

УДК 811.161.1

Завьялов Виктор Николаевич, Хэ Цзэ
Тихоокеанский государственный университет
г. Хабаровск, Российская Федерация
victorzoff@list.ru

Противительные союзы *а, но, да* в русских говорах Приамурья (коммуникативно-прагматический аспект)

Аннотация

В статье исследуются высказывания с противительными союзами *а, но, да (=но)*. Целью исследования было выявить коммуникативно-прагматические смыслы, в организации которых наряду с прочими языковыми средствами участвуют и данные союзы. Исследование проведено на материале русских говоров Приамурья. Обращение к говорам обусловлено современным направлением науки, описывающим диалектный материал на антропологической основе. В работе использовались описательный, количественный, сравнительный методы, а также семантический и коммуникативно-прагматический анализ. В результате установлено, что роль союзов *а, но, да* в высказываниях диалектоносителей сводится прежде всего к сообщениям о «нормальном» или «ненормальном» следствии между сочинёнными пропозициями. В высказываниях нормального следствия данные союзы (кроме союза *да*) используются говорящим, как правило, для пояснения-тождества, пояснения-уточнения и пояснения-описания. В высказываниях ненормального следствия сообщается (как прямо, так и опосредованно) о неких обстоятельствах объективного или субъективного характера, волонтактивно влияющих на то или иное положение дел. Результаты исследования способствуют не только пополнению сведений о категориальных особенностях противительных союзов *а, но, да*, но и более глубокому пониманию языковой картины мира не только диалектоносителей, но и носителей русского языка в целом.

Ключевые слова: сочинительный союз, синтаксис, говор, противопоставление, сопоставление, семантика, прагматика

© Завьялов В. Н., Хэ Ц. 2024

Для цитирования: Завьялов В. Н., Хэ Ц. Противительные союзы *а, но, да* в русских говорах Приамурья (коммуникативно-прагматический аспект) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 27–41.

Victor N. Zavyalov, Xe Ze
Pacific National University
Khabarovsk, Russian Federation
victorzoff@list.ru

The adversative conjunctions *a 'but', no 'but', da 'but'* in the Russian dialects of the Amur Region (Communicative and pragmatic aspects)

Abstract

The article examines utterances with the coordinating conjunctions *a 'but', no 'but', da (=no) 'but'* that express contrast. The aim was to identify communicative and pragmatic meanings in whose expression these conjunctions participate along with other linguistic means. The research was conducted on the material of the Russian local accents of the Amur Region. The choice of local accents was determined by the modern tendency in science to describe regional varieties on the anthropological basis. Descriptive design was used together with quantitative and comparative methods, semantic and communicative-pragmatic analyses to collect and process the

material. It was found that the role of conjunctions *a*, *no*, *da* in dialect speakers is primarily limited to messages about a “normal” or “abnormal” consequence between composed propositions. In utterances expressing normal consequence, these conjunctions (except for *da*) are used by the speaker, as a rule, for explanation-identity, explanation-clarification and explanation-description. Utterances expressing abnormal consequence report (both directly and indirectly) about certain circumstances of an objective or subjective nature that arbitrarily affect a particular state of affairs. The results of this study not only enlarge the information about the features of the coordinating conjunctions *a*, *no*, *da* expressing contrast but also contribute to a deeper understanding of the linguistic picture of the world of local accents speakers as well as native Russian speakers as a whole.

Keywords: coordinating conjunction, syntax, local accent, contrast, comparison, semantics, pragmatics

© Zavyalov V. N., Xe Z. 2024

For citation: Zavyalov, V. N., Xe, Z. (2024). Protivitel'nye soyuzy *a*, *no*, *da* v russkikh govorakh Priamur'ya (kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt) [The adversative conjunctions *a* 'but', *no* 'but', *da* 'but' in the Russian dialects of the Amur Region (Communicative and pragmatic aspects)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 27–41.

1. Введение [Introduction]

Статья посвящена коммуникативно-прагматическим свойствам противительных союзов *no*, *a*, *da* (=но) в русских говорах Приамурья. Выбор их в качестве объекта описания обусловлен следующими причинами. Несмотря на то что изучение русских говоров имеет давнюю и устойчивую традицию в русистике и характеризуется самыми разными направлениями (от лексико-семантического до когнитивно-дискурсивного), функционирующие в них союзные средства представлены в исследованиях не в той полноте и мере, какую эти языковые единицы заслуживают.

Одним из первых исследований, концептуально затрагивающих этот вопрос, была монография А. Б. Шапиро, общей задачей которой ставилось «описание всех наиболее существенных явлений, относящихся к структуре предложения» [Шапиро, 1953, с. 16], в том числе особенностей «употребления некоторых служебных слов в северновеликорусских (а также в некоторых сибирских) говорах» [Там же, с. 20]. В связи с этим значительное место в монографии занимает описание средств синтаксической связи. А. Б. Шапиро отмечал, в частности, что «значения союзов, употребляемых для связывания предложений, более дифференцированы в группе сочинительных союзов и менее в группе подчинительных союзов» [Шапиро, 1953, с. 119], но при этом в их контекстуальной семантике имеет место оттенок «генерального» значения по причине сочетания союзов «с теми или иными структурными чертами предложения (простого или сложного) или в различном лексическом контексте» [Там же, с. 121].

Вопросы описания средств синтаксической связи и их специфики в говорах, поставленные в монографии А. Б. Шапиро, стали предметом рассмотрения в ряде исследований 1950–1970 гг. [Собинникова, 1958 ; Лосева, 1961 ; Зелепукина, 1965 ; Доля, 1967 ; Берестенникова, 1972 ; Чурсина, 1974 и др.]. Общим для подобных работ является структурно-синтаксический подход.

Однако на рубеже 1980-х гг. стали появляться исследования, ориентирующие на изучение говоров с точки зрения их межсистемных сходств и различий на основе взаимодействия лингвогеографии и синтаксиса. Например, в монографии В. И. Трубинского обосновываются и подчёркиваются перспективы «исчерпывающего сопоставительного изучения литературной и диалектной разновидностей устно-разговорного синтаксиса» [Трубинский, 1984, с. 207]. Исходя из этого стал развиваться коммуникативно-прагматический подход в изучении диалектных явлений речи [Преображенская, 1985 ;

Никитина, Пожарицкая, 1993 ; Кузьмина, 1993 ; Гольдин, 1997 ; Демешкина, 2000 ; Голубева, 2004 и др.], который в определённой мере затрагивал и служебные слова.

В этом отношении знаменательной является диссертация С. П. Петруниной, посвящённая грамматике слушающего и говорящего в сибирских говорах [Петрунина, 2008]. В основу исследования были поставлены диалектная коммуникация и метакоммуникация, что дало возможность взглянуть на показатели синтаксической связи (союзы, частицы, лексико-синтаксические, просодические средства и др.) с позиций их участия в выражении различных бытийных смыслов парных конструкций: толковании сказанного или его коррекции, отнесённости к реальности или гипотетичности.

Не менее значимым представляется и диссертационное исследование Е. Р. Гусевой – первое комплексное научное описание состава, этимологии, структуры и семантики союзов отдельно взятого диалектного региона – севернорусских говоров [Гусева, 2009]. Установлено, в частности, что в них «ещё не сложилась достаточно устойчивая синтаксическая система с союзами, закреплёнными за определённым видом отношений» [Там же, с. 215]. Это согласуется с выводами, сделанными в своё время А. Б. Шапиро (см. выше), о недостаточной семантической дифференцированности союзных средств в этих говорах, что убедительно свидетельствует о «жизненной силе» [Вендина, 2017] диалектной системы русского языка, несмотря на активное влияние на неё литературной нормы. Исследования союзных средств в русских говорах продолжается [Рыко, 2018 ; Попова, 2019 ; Боброва, Колосько, 2021 и др.].

Современное состояние диалектологической науки тесно связано и с антропологией. При таком подходе описываются «элементы культурной коннотации в семантике диалектного слова, осуществляется культурно-историческая интерпретация определённого фрагмента языковой картины диалектоносителей» [Вендина, 2020, с. 9–10]. Средства синтаксической связи, в том числе и союзы, как и любые другие языковые единицы, являются неотъемлемой составляющей данной картины, участвуя в её репрезентации на своих категориальных основаниях.

Исходя из этого актуальность настоящей статьи определяется необходимостью исследовать противительные союзы в русских говорах Приамурья именно с когнитивно-дискурсивных позиций. Цель настоящего исследования заключается в описании наиболее типовых коммуникативно-прагматических ситуаций, в контексте которых говорящим используются данные средства синтаксической связи. Степень разработанности проблемы применительно к амурским говорам невысокая. Имеются лишь самые общие наблюдения, представленные в монографии «Русские говоры Приамурья», где отмечается, что союзы в них в целом «выражают те же отношения и связи, что и в литературном языке» [РГП, 2011, с. 148], но при этом семантика и прагматика не рассматриваются.

Теоретическую основу исследования составляют работы, связанные с аксиологическим подходом к описанию служебных единиц, в том числе союзов [Санников, 2008 ; Урысон, 2011 ; Сакулина, 2015 ; Милованова, 2021 ; Сигал, 2022 ; Шереметьева, 2023 и др.], где в центре внимания находится их «способность выражать оценочную семантику и отображать ценностные представления» [Сигал, 2022, с. 100] (см. также [Шереметьева, 2023]).

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

Исследование проводится на материале русских говоров Приамурья. Русские говоры Приамурья (далее – РГП) обладают особенными характеристиками по сравнению с говорами западных регионов России. Их относят к группе вторичных говоров, «сложившихся на севернорусской основе» [СРГП, 2007, с. 4]. Подробнее о формировании РГП, их изучении, а также о фонетических, лексических, морфологических и синтаксических особенностях см. в [Кирпикова, 2004 ; Оглезнева, 2003, 2005 ; РГП, 2011, с. 16–24; Галуза, 2013].

С результатами исследования современного состояния РГП можно ознакомиться в изданиях периодического фольклорно-диалектологического альманаха «Слово», выпускаемого сотрудниками кафедры русского языка, журналистики и коммуникации Амурского государственного университета (АмГУ) г. Благовещенска (см.: <https://slovo.amursu.ru>). Из последних значимых работ отметим докторскую диссертацию В. К. Приходько, посвящённую «описанию средств создания эмотивности в русских говорах Приамурья, реализующихся в них как особая лингвопрагматическая категория» [Приходько, 2022, с. 5].

Однако, несмотря на то что эмпирическая база РГП продолжает пополняться и расширяться, на данном этапе исследования в статье представлен языковой материал только из второго издания «Словаря русских говоров Приамурья» [СРГП, 2007], в основе которого лежит переработанное и дополненное первое издание [СРГП, 1983]. А. Б. Шапиро отмечал, что наиболее приоритетными для изучения должны быть «самые старые по возрасту носители говора, притом такие, которые в силу условий главным образом дореволюционного быта меньше всего испытали на себе воздействие со стороны литературного языка» [Шапиро, 1953, с. 11]. «Словарь русских говоров Приамурья» соответствует этим критериям в наибольшей мере, ибо работа над ним началась в 1960-х гг., когда естественных носителей говоров ещё можно было найти в достаточном количестве среди сельского населения Приамурья. Над созданием словаря трудились преподаватели-учёные Хабаровского (Ф. П. Иванова, М. К. Давыдова, Л. Ф. Путятин и др.) и Благовещенского (Л. В. Кирпикова, О. И. Галуза, Н. П. Шенковец и др.) институтов (на тот момент) и другие их коллеги. В результате работы был выявлен и описан уникальный пласт не только русской диалектной лексики и фразеологии, но и, как мы полагаем, исходя из целей и задач настоящей статьи, не менее уникальных контекстов употребления различных служебных слов, в том числе и союзов. Обращение к материалам говоров обусловлено ещё и тем, что они представлены в основном через устные нарративы. Это предоставляет возможность изучения союзов *а*, *но*, *да* в их основной, так сказать, естественной стихии речи.

В статье применяются следующие методы исследования: описательный, количественный, сравнительный, а также семантический и коммуникативно-прагматический анализ. Выборку материала составили высказывания с противительными союзами *а*, *но* и *да* (=но). Это основные, максимально грамматикализованные противительные средства связи русского языка, имеющие прямые соответствия в современном русском литературном языке, что предоставляет возможность сравнительно-сопоставительного изучения диалектной картины мира на «литературном» основании. Противительность понимается нами как явление, связанное «сразу с несколькими понятийными формами противопоставления» [Милованова, 2021, с. 11] и реализованное на различных языковых уровнях: лексическом, грамматическом, логическом, семантическом, прагматическом и прочих.

Примеры, используемые в статье, с целью их большей индивидуализации приводятся с указанием географических данных, расшифровка которых дана на соответствующих страницах в полиграфической [СРГП, 2007, с. 16–18] и электронной [СРГП, 2007 э, с. 12–14] версиях словаря. Электронная версия предлагается также и для облегчения сверки цитируемого в статье диалектологического материала.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

3.1. Исходные статистические и эмпирические данные [Data for statistical and empirical analysis]

Методом компьютерной выборки в СРГП выявлено более 2000 употреблений союза *а*, 150 – союза *но* и 137 – союза *да*. Такое соотношение показывает, что частотность союза *а* практически на порядок выше по сравнению с частотностью союзов *но* и *да*. Это нормальная картина для говоров, поскольку союз *а* по своей языковой сути «являет-

ся связующим звеном между соединительным (*и*) и противительным (*но*) значением» [Милованова, 2021, с. 127] и для разговорной речи, основной формы существования говоров, представляется самым универсальным средством выражения противительности и сопутствующих ей логико-смысловых оттенков. В связи с этим порядок рассмотрения союзов в статье соответствует их частотности (по убыванию).

3.2. Высказывания с союзом *a* [Utterances with the conjunction *a* 'but']

Е. В. Урысон выделяет у союза *a* следующие контексты: «сопоставления», «ненормального следствия», «поворота повествования» [Урысон, 2011, с. 209–260]. При этом она называет этот союз одним «из самых идиоматичных русских слов, обладающим тонкой, иногда почти неуловимой семантикой» [Там же, с. 207]. В понимании сопоставительности как одного из частных значений союза *a* Е. В. Урысон отталкивается от интерпретации Т. М. Николаевой, которая квалифицирует её как «соединение через равноправное рассмотрение двух компонентов, не сливающихся при этом в единую картину-кадр» [Николаева, 1997, с. 18]. Однако мы полагаем, что сопоставление – это генеративный признак значения данного союза, поэтому он должен распространяться на семантику любого высказывания с ним вкупе с противительностью, т. е. союз *a* является сопоставительно-противительным по самой своей природе в силу своего пограничного положения между союзами *и* и *но* (см. [Милованова, 2021, с. 127–135]). Кроме того, понятие «ненормальное следствие» предполагает логическую противопоставленность понятию «нормальное следствие», но оно рассматривается исследователями лишь применительно к семантике союза *и* [Урысон, 2011, с. 281–290]. Между тем, мы полагаем, что такие контексты с союзом *a* также имеют место. Исходя из этого существуют два вида высказываний с противительно-сопоставительным союзом *a*: 1) высказывания нормального следствия и 2) высказывания ненормального следствия. Всё прочее мы относим к частным реализациям этих двух логико-семантических моделей.

3.2.1. Высказывания «нормального следствия» [Utterances expressing “normal consequence”]

В высказываниях нормального следствия пропозиции с союзом *a* не противоречат друг другу в плане естественного положения вещей или хода дел. С их помощью могут передаваться сопоставления-пояснения и сопоставления-описания.

1. Сопоставление-пояснение. Пояснение как лингвистическая категория предполагает «характер либо повторного обозначения, либо уточнения» [Прияткина, 2019, с. 63] (см. также: [Стародумова, 2023, с. 232–234]). Какие-либо два предмета, признака или действия сопоставляются говорящим с точки зрения способа применения, свойств, именованности и пр. как в соотношении целое – целое, так и целое – частное. В связи с этим сопоставления-пояснения подразделяются на пояснения-тождества и пояснение-уточнение.

А. Пояснение-тождество. При отношениях тождества «два члена предложения (или две синтаксические структуры – В. 3.) имеют общую денотативную отнесённость, причём она устанавливается только самим говорящим» [Прияткина, 2019, с. 64]. Пояснения подобного рода – это нейтральные в эмоциональном и оценочном плане высказывания, которые нередко сопровождаются темпоральными лексемами *раньше* – *сейчас*. Посредством таких высказываний могут соотноситься как тождественные:

– орудия труда или материалы: *Час всё дранки да горбули идут на забор, на городьбу, а раньше – слёги* (Н.-Вскр. Шим.); *Груз у закидушки из подковы или любая железка, а сейчас свинец* (Пашк. Облuch.); *Картошку копали копарульками, а сейчас делают из проволоки скребушки или царпульки* (Алб. Скв.); *Горбулями загородишь, а сейчас и сеткой даже городят стальной* (Н.-Вскр. Шим.);

– названия домашних животных: *Сейчас* ягнятами зовут, а мы звали барашками или баранчиками (Уш. Шим.). Амур. (Шим.);

– количественное соотношение чего-либо (в данном случае видов ягоды): *Сейчас* больше маленькой земляничцы, а раньше хрушка да рясна;

– особенности планировки и именования помещений дома: *Счас* комната, а раньше перёд, куть, спальня, или зал (Рад. Облuch.). Амур. (Арх.). Хаб. (Бир. Облuch.).

Возможны пояснения-тождества и без вербализованной привязки к моменту речи: *Седёло, или шёсток, а кто нашёт* называет для кур (Заг. Сел. Своб.); *Забайкальцы* звали его борокчэн, а мы – саск, год ему или полгода (Ам. Окт.).

Б. Пояснение-уточнение. Говорящий, описывая какие-либо два предмета, признака или явления действительности, уточняет разницу между ними в плане назначений, свойств, применения и пр. Отношение тождества между сочиненными пропозициями в данном случае отсутствует, ибо говорящий сообщает о разнице в какой-либо части денотативного содержания сочинённых пропозиций. Уточняться могут:

– орудия труда, снасти, различные приспособления: *Размер* очка на миллиметры или на пальцы, на персты: *двухпёрстка* – это сейчас сороковка, а восьмидесятка – восемь перстов (Н.-Петр. Кнст.). Амур. (Кнст.); *Закидушка* – маленький перемёт, закидушку с берега бросают, а с перемётом плавают (Пашк. Облuch.);

– реалии окружающей среды (флора, фауна, топография): *Клюква* красная, а моховка чёрная или синяя (Бикин); *Косатка* толстая, а плеть-то чёрная, жёлтая да длинная (Джл. Скв.); *Волчий язык* или собачий язык у нас зовут: листья с одной стороны с блеском, а с внешней – сильно зелёные, цветок бледно-фиолетовый (Джл. Скв.). Амур. (Скв.); *Есть* кулёмки с мотыльком, а есть без мотылька (Лерм. Бик.).

Возможно также уточнение сути другого названия или дополнительного действия к какому-либо процессу: *Рёлка, или елань*, – одно и то же, только елань в большом масштабе, а рёлка – в малом (Джл. Скв.); *Раньше* шили напалки и с марала, и с кожи, а можно и вязать (Серг. Благ.); *Яришный хлеб* пекли, а ешио тарочки, да всяки финтиклюшки (Поярк. Мих.).

2. Сопоставление-описание. Высказывания подобного рода характеризуются тем, что посредством них описываются процессуальные или статальные непротиворечащие друг другу стороны действительности. Это может быть:

– определённая последовательность событий или действий (*сначала* – *потом*): *Подсушишь* сено, а *потом* укладываешь в заколину или в закол (Моск. Своб.). Амур. (Своб.); *Суслоны* ставили по шесть снопов или по восемь, а *девятым* закрывали (Башур. Облuch.); *До* церкви идёшь – чёботы, бывало, в руках или на плече несёшь, а *как* к ней подходишь, так и надеваешь (Благовещ.);

– пространственные реалии (*внизу* – *вверху*, *справа* – *слева* и пр.): *Стожок* смечешь или кладь накладёшь, а *сверху* положат ветреницы (Лонч. Бик.); *Четыре* сошки по концам юрты, а *сбоку* палки, и соломой крыли (Ст. Окт.); *Здесь* шворень идёт, а *здесь* проходят оглобли (Сам. Окт.); *Латки* делали просто: доска, а *снизу* наложен коровий навоз. *Ребятишки* с горки зимой на их катались (Н.-Вскр. Шим.). Амур. (Шим.);

– общая характеристика действий: *Муж* да дети привезут ягоды море, а уж мы с матерью ей ума даём (Н. Буз. Своб.). Амур. (Своб.); *Выстилку* кладут на земле, а мы молотили молотилом, или выстилку накладывают круглую и конями молотят, пока всё в труху (Уш. Шим.);

Говорящий может описывать и какой-нибудь предмет быта, орудие труда, снасть:

Закидушки с берега закинешь: палка тонка, а кёй мотаузина или леска – и с берега кидáшь (Кас. Арх.); *Верхонка* из половинки, а половинка – с оленя она или с кого, я не знаю (Калин. Мих.). Амур. (Мих.); *Олочи* – это моришни, а на задке гладко, отседа ремешки, а вот тут язык, обмотáшь ремешком (Черн. Магд.); *Череповые* брёвна – это

верхняя обвязка, а на них стропила, или быки (Войк. Кнст.); *Подошва – из её и подбор, кожа тонка, а помпа с палец шириной* (Алб. Скв.); *Называются дёр телеги: деревянная ось была, а сюда проходят дороги, а здесь подушка и дёр* (Сам. Окт.).

Нормальным развитием событий является отказ от чего-то ненужного, предостережение, или, наоборот, безграничная вера в себя и свои возможности:

Её перепилишь доску и вьиташишишь свинку, а если её не надо, то затопишь, и выгорит (Ст. Окт.). Амур. (Арх. Благ. Магд. Мих. Шим.). Хаб. (Лен. Облuch. Окт.); *Поливать утром пораньше или вечером, а днем нельзя, а то запарится всё* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.); *Были-бы ноги да двуроги, а коров прокормим* (Сад. Благ.). Амур. (Арх. Благ.).

3.2.2. Высказывания «ненормального следствия» [Utterances expressing “abnormal consequence”]

В высказываниях ненормального следствия имеет место несоответствие норме [Урысон, 2011, с. 209]. Норма в данном случае понимается как то, что должно быть, если всё делать согласно сложившимся традициям, обычаям, принципам и правилам бытия:

На сырой земле летом полежал да и остыл, а лечиться не стал (Н.- Андр. Бел.); *На головах платочки носили, фальшонки, или косинки их звали, а я всё больше голоушей ходила* (Алб. Скв.).

Нормальное развитие должно предполагать заботу как о своём здоровье (т. е. лечение), так и о своей внешности. Здесь же такая забота отсутствует, ненормальное следствие – это купание в каком-либо недостаточно пригодном месте.

Застоина какая-нибудь в луже или в яме, а онé купаются (Алб. Скв.). Амур. (Скв.). *Вроде врёт, ластит человеку, сочувствует человеку, а сам близирничает* (Е.-Ник. Окт.); *Иишь, как близирничат дед-то на людях, а как уйдут, дак и шишек наставит* (Пашк. Облuch.). Хаб. (Облuch. Окт.).

В данном примере осуждается двуличие человека, являющееся с точки зрения норм морали также ненормальным в плане развития действия.

Ненормальное следствие может проявляться при неудачном, по мнению говорящего, именовании чего-либо: *Его бы лучше называть междулунок, а мы говорим пролунок* (Инка Арх.). Амур. (Арх. Скв.).

Коммуникативно-прагматическим маркером ненормального следствия в этом высказывании является словоформа *лучше*.

Ненормальное следствие нередко возникает по причине какой-либо неодолимой силы. В следующих примерах это и беспрекословная воля отца, и неодолимое желание чего-либо, и отсутствие возможностей осуществить намеченное, и какие-либо другие причины:

Отец всё жадует: сам отдыхать лёг на покосе, а нас за ягодами послал (Черн. Магд.). Амур. (Бел. Магд.); *Мотылёк на крючок насадит, а жука, глупая, проглатывает его* (Джл. Скв.). Амур. (Скв.); *Сморóда на островах рясная да крупная, такая зарная, не хотел бы, а берёшь* (Н.-Андр. Бел.); *У ворот така колюжа стоит, а засыпать нечем, да и некому* (Н.-Петр. Благ.). Амур. (Благ.).

Ненормальное следствие может также проявляться и как нелогичный результат – как по объективным, так и по субъективным причинам:

Морковка в этом году не ушлая вышла, посеяли, а она така мёлка (Н.-Андр. Бел.). Амур. (Бел.); *Он вырядился да вышел, а парни ему говорят: «Во, лобань какой вышел»* (Кн-ка Кнст.). Амур. (Кнст.); *Поставил я пасть, да и пошёл дальше, а натруску свою, видимо, там оставил. Вернулся, а она пропала* (Возж. Бел.).

Таковы некоторые коммуникативно-прагматические особенности высказываний с союзом *а* в русских говорах Приамурья. Высказывания с союзами *но* и *да* будут рассматриваться нами с их учётом.

3.3. Высказывания с союзом *но* [Utterances with the conjunction *no* 'but']

Союз *но*, так же, как и союз *а*, признается специалистами очень трудным для описания, ибо его «ядерный компонент... весьма специфичен с теоретической точки зрения: он не поддаётся дефиниции на обычном семантическом языке» [Урысон, 2011, с. 172]. В. З. Санников полагает, что союз *но* «употребляется там, где нарушено представление (единое для всех говорящих!) о нормальном развитии ситуации или о нормальном положении дел [Санников, 2008, с. 259]. В свою очередь, Е. В. Урысон рассматривает его, как и союз *а*, через аналогичные контексты – «ненормального следствия», «противодействия», «обманутого ожидания» [Урысон, 2011, с. 171–206]. При этом она также не отмечает у этого союза значение нормального следствия. Однако мы на тех же самых основаниях полагаем, что оно у него тоже присутствует. Разница только в инвариантных компонентах значений союзов: если у *а* ведущей является сема сопоставительности со скрытой конъюнкцией, то у *но* это собственно противительная сема, в которой наличествует «имплицитное уступительное значение» [Милованова, 2021, с. 126], которое используется говорящим больше как оценочное, чем нарушающее статус-кво между сочинёнными пропозициями.

3.3.1. Высказывания «нормального следствия» [Utterances expressing “normal consequence”]

Высказывания нормального следствия у союза *но* более узкие по своей специфике, чем у союза *а*. Прежде всего у союза *но* отсутствует семантика пояснения-тождества, в силу того, что его значение в той или иной мере включает в себя семы отрицания, ограничения или оценки (см. [Николаева, 1997; Санников, 2008, с. 244–265; Урысон, 2011, с. 171–206; Милованова, 2021, с. 112–126]). Например, сопоставительно-пояснительное высказывание с семантикой тождества после замены в нём союза *а* на союз *но* уже не может восприниматься таковым. Ср.:

Час всё дранки да горбули идут на забор, на городьбу, а раньше – слёги // Час всё дранки да горбули идут на забор, на городьбу, но раньше – слёги.

Союз *но* превращает сопоставительно-противительные пропозиции первого высказывания в противительно-уступительные во втором, указывая на «наличие заинтересованной позиции говорящего субъекта» [Милованова, 2021, с. 26] или, говоря иначе, на «смену оценки признаков» [Шереметьева, 2023, с. 39], вследствие чего семантика пояснения-тождества преобразуется в пояснение-уточнение. Говорящий всего лишь подчёркивает разницу между пропозициями, делая акцент на том, что именно было раньше, уступая в оценочном плане тому, что происходит сейчас, но при этом никакого ненормального следствия в семантике высказывания не появляется.

Уточняться при союзе *но* нормального следствия могут:

– особенности представителей фауны (рыб, птиц, животных): *Чернобрюшка похожа на чебакá, но боле тонкая, белая и оттеняет брюшко* (Поярк. Мих.); *Трегуб ещё называют, но по цвету отличается* (Поярк. Мих.); *Колтучан наподобие тайменя, но меньше* (Алб. Скв.); *Лошак – это больше года жеребёнку, но не лошадь ешó* (Бус. Своб.); *Синявка белая, но у ейó тсвет есь синеватый* (Поярк. Мих.). Амур. (Мих.); *Стародойка – это корова в этом году не телится, но ещё доится* (Ин-ка Арх.). Амур. (Арх. Мих. Скв. Шим.);

– особенности видов флоры: *Ярбуда растёт на берегах, похожа на просо, но зерно крупнее* (Над. Бир.). Хаб. (Бир.); *Перелойка – это не ромашка, но похожа, беленьким цветёт* (Н.-Вскр. Шим.); *Тёрен как слива, но кругленький, кругленький* (Уш. Шим.). Амур. (Шим.); *Шшóтка растёт на низине, как осока, твёрдая, плоская, но мельче, чем осока, светло-зелёная* (Е.-Ник. Окт.); *Кустики маленькие, что и тальник, но отличает-*

ся от тальника: лист серый (Н.-Вскр. Шим.); Курочка похожа на подсолнух, **но** больше шестнадцати листьев не имеет (Н.-Вскр. Шим.).

– особенности одежды (качество, свойства, материал): Сутунки корóтки, **но** большого диаметра (Алб. Скв.); Носили зимой курмушки и борцáтки, **но** борцатки подлиннее были (Моск. Своб.). Амур. (Повсем.). Хаб. (Бик. Лазо Облuch. Окт.); Ботиночки были с резиночками, с каблуками, без каблуков, **но** в шнурочек и с высокой голяшкой (Е.-Ник. Окт.). Хаб. (Окт.); Козульки шкуры выделают и шьют ергач наврóде куфайки, **но** только длинне (Рад. Облuch.);

– орудия труда, ловли, охоты, постройки: Вириша как мордуша, **но** только больше (Черн. Магд.). Амур. (Магд.); Шпунтовик – то же стружóк, **но** вот такой узенький (Ст. Окт.); Это сáдьба, или лáбаз, **но** лáбаз всегда крытый (Заг. Сел. Своб.). Амур. (Своб.);

– процессы приготовления пищи, одежды, орудия труда и их свойства:

Чай белить можно яйцом, или молоком, или заправкой, **но** не вареньем (Е.-Ник. Окт.); В жарёху и мясо, и печёнку кладут, **но** не вымачивают, чтоб кровь сохранить (Бус. Своб.).

Возможны также оценочные уточнения (применительно ко всем рассмотренным выше тематическим группам):

Пока ещё маленький, глупый, качишка, **но** хорошей породы собака (Джл. Скв.); Череду у нас собачкой называют, она как собачка цепляется, **но** она пользительная (Заг. Сел. Своб.). Амур. (Своб.); Сеянка – это тёмная мука, **но** чище простомола (Уш. Шим.); Лучшие всего кедра, **но** листовяк устойчивее (Нев. Лазо). Амур. (Скв.). Хаб. (Бик. Лазо, Окт.); Косой легче косить, **но** у горбуши крепче сталь (Наг. Окт.). Амур. (Арх. Кнст.). Хаб. (Облuch. Окт.); Он средненький топорик, **но** бриткий (Ст. Окт.); Эльму ловили в Амуре, рыба жёлтая, **но** у ей костей нет (Башур. Облuch.); Хорóша кисть, **но** с зеленью (Алб. Скв.); Гребалками-то хорошо копать, быстрее, **но** картошку можно поцарапать, гнить потом будет (Арх. Арх.). Амур. (Арх. Кнст.); Ходили в оло́чах, **но** и́чиги побравé были (Е.-Ник. Окт.). Амур. (Бел. Магд. Своб. Скв. Шим.). И т.д.

К нормальному следствию в высказываниях с союзом *но* можно также отнести полезные действия, направленные на преодоление чего-либо, улучшение, устранение недостатков или на вынужденный компромисс:

Сначала шипшика была на ноге, **но** я её уксусом выжгла (Кн-ка Кнст.); Печки большой час нет, **но** маленькую русочку сделала (Уш. Шим.). Амур. (Шим.); Вчера прихворала немного, **но** надьсь мне уже легче (Н. Буз. Своб.). Амур. (Своб.); Я всё время ходила кулёмой, как меня тогда называли, **но**, когда ко мне стали приглядываться парни, стала прихорашиваться (Н. Увал. Маз.); Ручка у молота одна, **но** надо брать за неё двумя руками, двоерушный молот – это двоерушный: одной рукой брать не будешь (Пашк. Облuch.). Хаб. (Облuch.); Хоть тяжело мне было хлестаться на двух работах, **но** ничё (Черн. Магд.). И т.д.

3.3.2. Высказывания «ненормального следствия» [Utterances expressing “abnormal consequence”]

Высказывания ненормального следствия с союзом *но* характеризуются, как и в аналогичных высказываниях с союзом *а*, несоответствием результата исходному положению дел или намерениям говорящего. Это могут быть противоречащие предварительным ожиданиям:

– состояние или свойства характера человека: Я счастливой жизни завидую, **но** здорóвья нет (Голов. Бир.). Хаб. (Бир.); Кержаки кодá жили, они, как кулаки, жили зажиточно, **но** ничем не делились с бедными (Джл. Скв.);

– трудовые процессы, действия вопреки чему-либо, недостаточные или необычные умения и навыки:

Намоташь на лентяйку тряпку и моешь, но углы-то ей не промоешь (Моск. Своб.). Амур. (Своб. Скв.); *Времянка доходила до станции, но потом почему-то убрали её* (Н.-Вскр. Шим.); *Я всё искала эту траву от сорока болезней, но сразу её не найдёшь* (Е.-Ник. Окт.); *Для орошонки берёшь бревно потолще и всю сердцевицу из него выби-ра́шь, но плавать на орошонке уметь надо* (Уш. Шим.); *Здесь вот, знаете, заливные до-жди идут по четыре месяца, но картошку всё равно накопает* (Уш. Шим.). Амур. (Шим.); *Олочи шили, но не носили* (Калин. Мих.). Амур. (Мих.); *Ягоды у нас собирали грабками, но я – руками* (Н.-Вскр. Шим.). Амур. (Шим.);

– фауна и флора: *Она больш́а, ловили в неводах. Попад́ат, но мало* (Пашк. Об-луч.); *Толстолоб – рыба подвид сома, но не очень вкусная* (Кн-ка Кнст.); – флора: *Моло-ча́ разная бывает, но всегда огород забивает* (Завитинск). Амур. (Завит.);

– природа, состояние окружающей среды: *Навесь – снег на деревьях напал, но не упал* (Лерм. Бик.).

Если сравнивать рассмотренные нами высказывания с союзом *но* с высказывани-ями с союзом *а*, то отчётливо видно, что *но* это более акцентированный языковой знак, чем *а*. Однако при одинаковом логико-смысловом соотношении частей высказываний данные союзы выполняют в принципе одинаковую работу, пусть и с поправкой на мо-дально-экспрессивные особенности каждого из них.

3.4. Высказывание с союзом *да* [Utterances with the conjunction *da* 'but']

Союз *да*, как явствует из материала, обладает ещё более узким спектром употреб-лений. С его помощью невозможна передача нормального следствия во всех его прояв-лениях. Например, если в уточняющем высказывании нормального следствия с союзами *а* и *но* (*Час всё drankи да горбули идут на забор, на городьбу, а/но раньше – слéги*) употребить союз *да*, то получится маловероятное в языковом плане высказывание. Ср.: * *Час всё drankи да горбули идут на забор, на городьбу, да раньше – слéги*.

В. З. Санников указывает, что «наиболее обычным употреблением союза *да* в противительном значении является такое, когда в первой части содержится указание на гипотетическое событие, а во второй – на причину, воспрепятствовавшую его осуще-ствлению» [Санников, 2008, с. 277]. К аналогичным выводам приходит Е. А. Сакулина, отмечая, что противительная семантика в предложениях-высказываниях с союзом *да* «организуется прежде всего за счёт аксиолого-антонимических и модальных противоп-ставлений» [Сакулина, 2015, с. 73]. Исходя из этого отсутствие гипотетичности в рассмотренном выше высказывании с союзами *а* и *но*, по-видимому, и делает невозмож-ным функционирование в нём союза *да*.

В связи с этим у союза *да*-противительного мы выделяем только значение ненор-мального следствия. С помощью него могут передаваться:

– неосуществлённые намерения, желания, превратности судьбы: *Бродить я то-же ходил на озеро, да ничё не поймали вчера́сь* (Черн. Магд.); *Я, паря, камнем хурнул, да промазал* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.); *Зага́дывала вчера пойти, да не смогла. Сёдни пой-ду в баню* (Н.Буз. Своб.). Амур. (Своб.); *Я поискал штаны, хотел облолчиться, да не нашёл* (Уш. Шим.); *Добрая девка выросла, да только судьба не слóжилась* (Благовещ.). Амур. (Благ.); *Она рабóча была, да вот пила* (Джл. Скв.). Амур. (Скв.); *Замуж вышла, да не пожилось ей* (Н.-Андр. Бел.);

– что-либо мешающее (противодействующее) осуществлению того или иного на-мерения, пониманию, восприятию чего-либо:

Козлы-то дики кричат, я думаю, тигра кричит, да это гуран ревет. (Пашк. Об-луч.); *Собираемся все в поле, да если хма́ра на у́лке, то посл́я* (Лерм. Тамб.); *Медовуха пьётся хорошо, да пьянеешь быстро* (Н.-Андр. Благ.). Амур. (Бел. Благ.). Хаб. (Бик. Окт.); *Я бы лапшу сготовила, да мёсюшко не получатся, мука плоха* (Черн. Магд.).

Амур. (Магд.); *Гостевать хорошо, да домой надо* (Черн. Магд.). Амур. (Благ. Магд.); *Уж у нас его просили, и мы решили отдать его в дети, да жалко стало* (Черн. Магд.); *Из Амура воду для полёвки бы можно таскать, да некому* (Джл. Скв.). Амур. (Скв.); *Собрались миски мыть, да отималка куда-то запропастилась* (Райчх.); *Тут ешишó подскальник должен быть, ко́ло колёсика, да потеряла* (Марк. Благ.). Амур. (Благ.); *Нонче можно всё купить, и краску тоже, да денег нет* (Серг. Благ.); *Я помню эту песню, да она нехорóша, сорóмишина* (Н.-Вскр. Шим.) и т. д.

Союз *да* может вводить новую ситуацию, не вытекающую из пресуппозиции, что тоже является показателем ненормального следствия:

Она была здесь, намалярила меня, правда сбоку, и коня моего хотела малярить, да уехала (Алб. Скв.). Амур. (Скв.); *Здесь, на этом месте, тоже жили, да укочевали на другой двор* (Н.-Андр. Бел.); *Из бани шла, да заслепи́ли, тёмная стала* (Н.-Андр. Благ.); *Чё бояться их, коломенных, сбежали, да куды́ они убегут?* (Джл. Скв.); *Вёшно сеяли, да еще холодно было* (Черн. Магд.). Амур. (Магд.); *Хорошенькая была девочка, да к ей молоденская пристала* (Н.-Андр. Бел.).

На основе рассмотренных контекстов союз *да* представляется самым ирреальным по семантике в сравнении с союзами *а* и *но*.

4. Заключение [Conclusion]

В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам. В русских говорах Приамурья представлены многочисленные контексты высказываний с противительными союзами *а*, *но*, *да* (=но), которые можно разграничить на две основные семантические группы: нормального и ненормального следствия, а они разбиваются на различные модально-экспрессивные подгруппы. Каждый из рассматриваемых союзов представлен в них на своих семантико-синтаксических основаниях. У союза *а* возможны реализации на всех участках противительной семантики. В свою очередь, у союза *но* в ситуации нормального следствия не выявлена семантика пояснения-тождества, а у союза *да* отсутствует семантика нормального следствия как таковая. Это обусловлено разными знаковыми сущностями данных средств синтаксической связи.

Содержательная часть высказываний с союзами *а*, *но*, *да* отражает повседневные реалии жизни и быта носителей говоров. В высказываниях фигурируют предметы быта, орудия труда, снасти, представители флоры и фауны, состояния человека и окружающей среды. Всё это пропускается говорящим через его представления о назначении и свойствах данных реалий. Эти представления могут отображать как объективное положение вещей и состояние дел, так и гипотетическое, выражающее невозможность осуществления чего-либо в силу различных обстоятельств, в том числе и неодолимой силы.

Отметим, что описание высказываний с противительными союзами *а*, *но*, *да* с опорой на коммуникативно-прагматический подход на материале русских говоров Приамурья представлено в русистике впервые. Полученные результаты расширяют наши представления не только о данных союзах, но и о языковой картине мира носителей говоров, преломленной через семантику противительности. Кроме того, в научную практику введено понятие нормального следствия для союзов *но* и *да*, рассматриваемого исследователями ранее только применительно к семантике союза *и*, а также выявлен ряд частных его реализаций: пояснение-тождество, пояснение-уточнение, пояснение-описание. Полученные данные могут быть полезны для общего изучения антропологии диалектной речи. Перспектива данного исследования состоит в расширении списка противительных средств синтаксической связи, требующих описания. Это союзы *однако* и *зато*, а также различные ограничительные и акцентирующие частицы с противительной семантикой (*только*, *лишь* и др.).

Библиографический список

- Берестенникова, 1972 – Берестенникова Т. Н. Случаи двойного и тройного подчинения в системе изъяснительных сложноподчиненных предложений ангаро-ленских говоров // Ангаро-ленские говоры. Иркутск : ИГПИ, 1972. С. 67–73.
- Боброва, Колосько, 2021 – Боброва М. В., Колосько Е. В. Союз чѣ в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2021. № 15. С. 68–79.
- Вендина, 2017 – Вендина Т. И. Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестник Костромского гос. ун-та. 2017. Т. 23. Специальный выпуск. С. 44–49.
- Вендина, 2020 – Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. М. ; СПб. Нестор-История, 2020. 684 с.
- Галуза, 2013 – Галуза О. Ю. Диалектная лексикография Приамурья: становление и современное состояние // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 41–47.
- Голубева, 2004 – Голубева Н. Л. Частицы и союзы харовского говора // Проблемы современной русской диалектологии : тез. докл. междунаро. конф. 23–25 марта 2004 г. / отв. ред. Касаткин. М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. С. 38–40.
- Гольдин, 1997 – Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. ; СГУ. Саратов, 1997. 52 с.
- Гусева, 2009 – Гусева Е. Р. Союзы севернорусских говоров (состав, семантика, структура) : дис. ... канд. филол. наук. ; ПГУ. Петрозаводск, 2009. 267 с.
- Демешкина, 2000 – Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2000. 186 с.
- Доля, 1967 – Доля Т. Г. Синтаксис простого предложения в говорах Заонежья Карельской АССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук ; ЛГУ. Л., 1967. 26 с.
- Зелепукина, 1965 – Зелепукина Л. А. Синтаксические особенности севернорусских говоров Сосновоборского района Пензенской области // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев : КГПИ, 1965. С. 102–119.
- Кирпикова, 2004 – Кирпикова Л. В. К истории формирования русских говоров Приамурья // Народное слово Приамурья : сб. статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск : БГПУ, 2004. С. 9–19.
- Кузьмина, 1993 – Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М. : Наука, 1993. 223 с.
- Лосева, 1961 – Лосева Л. М. Синтаксические особенности русских народных говоров. Черновцы : ЧГУ, 1961. 63 с.
- Милованова, 2021 – Милованова М. С. Семантика противительности: Опыт структурно-семантического анализа. 3-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2021. 348 с.
- Никитина, Пожарицкая, 1993 – Никитина Е. Н., Пожарицкая С. К. Служебные слова в просодической организации диалектного текста // Исследования по славянскому историческому языкознанию. М. : МГУ, 1993. С. 156–166.
- Николаева, 1997 – Николаева Т. М. Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1997. С. 3–24.
- Оглезнева, 2003 – Оглезнева Е. А. Современные русские говоры Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Материалы Региональной науч.-практ. конф. «Приамурье от первопроходцев до наших дней». Благовещенск : БГПУ, 2003. С. 107–110.
- Оглезнева, 2005 – Оглезнева Е. А. Русские говоры Приамурья: опыт лингвогеографического изучения // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2005. Вып. 5. С. 170–176.
- Петрунина, 2008 – Петрунина С. П. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций): дис. ... докт. филол. наук. Томск : ТГУ, 2008. 372 с.
- Попова, 2019 – Попова Э. Н. Роль севернорусских говоров в формировании союзов условного значения в коми-зырянских диалектах // Бюллетень Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2019. Т. 29, № 5. С. 739–744. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-5-739-744>
- Преображенская, 1985 – Преображенская М. Н. Служебное слово дак в севернорусских говорах // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию акад. В. И. Борковского. М. : Наука, 1985. С. 65–72.

- Приходько, 2022 – Приходько В. К. Эмотивный фонд русских говоров Приамурья : дис. ... д-ра филол. наук ; МПГУ. М., 2022. 402 с.
- Прияткина, 2019 – Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2019. 180 с.
- РГП, 2011 – Русские говоры Приамурья / под ред. В. Т. Садченко. Хабаровск : ДВГУ, 2011. 204 с.
- Рыко, 2018 – Рыко А. И. Вопросительная частица vs. разделительный союз: ТИ в говорах русско-белорусского пограничья // Севернорусские говоры. 2018. № 17. С. 184–204. <https://doi.org/10.30842/01348515201811>
- Сакулина, 2015 – Сакулина Е. А. Условия формирования противительной семантики в однородных рядах с союзом да // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней : сб. науч. ст. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф. (г. Иваново, 6–8 мая 2015 г.). / отв. ред. И. А. Сотова. Иваново : ИГУ, 2015. С. 68–73.
- Санников, 2008 – Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М. : Языки славянских культур, 2008. 624 с.
- Сигал, 2022 – Сигал К. Я. Аксиология в синтаксических структурах // Общая и русская лингвоаксиология / отв. ред. М. С. Милованова. М. – Ярославль : Канцлер, 2022. С. 91–148.
- Собинникова, 1958 – Собинникова В. И. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремячского района Воронежской области). Воронеж : ВГУ, 1958. 173 с.
- СРГП, 1983 – Словарь русских говоров Приамурья / Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. М. : Наука, 1983. 341 с.
- СРГП, 2007 – Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин и др. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск : БГПУ, 2007. 544 с.
- СРГП, 2007 э – Словарь русских говоров Приамурья : [Электронный ресурс] / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск : БГПУ, 2007. 528 с. URL : <https://disk.yandex.ru/i/0Vcrpzga7BDSJQ/> (дата обращения : 25.01.2024).
- Стародумова, 2023 – Стародумова Е. А. Синтаксис современного русского языка. М. : ФЛИНТА, 2023. 260 с.
- Чурсина, 1974 – Чурсина Т. И. Изъяснительные и присубстантивные сложноподчиненные предложения в ангаро-ленских говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск : НГУ, 1974. 23 с.
- Шапиро, 1953 – Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М. : АН СССР, 1953. 318 с.
- Шереметьева, 2023 – Шереметьева Е. С. Аксиологическая специфика градационно-присоединительных союзов с базовым компонентом «да» // Русский язык за рубежом. 2023. № 2 (297). С. 39–44. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.297.2.008>

References

- Berestennikova, T. N. (1972). Sluchai dvoynogo i troynogo podchineniya v sisteme izyasnitel'nykh slozhnopolchinennykh predlozheniy angaro-lenskikh govorov [Double and triple subordination in the system of complement clauses in Angara-Lena local accents]. *Angaro-lenskie govory [Angara-Lena local accents]* (pp. 67–73). Irkutsk : IGPI Press. (In Russ.).
- Bobrova, M. V., Kolosko, E. V. (2021). Soyuz chy o v russkikh narodnykh govorakh [Conjunction chy o in Russian folk dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]*, 15, 68–79. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (2017). Dialektnoe slovo: vchera, segodnya, zavtra [A dialect word – yesterday, today and tomorrow]. *Vestnik Kostrom. gos. un-ta [Vestnik of Kostroma State University]*, 23 (S), 44–49. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (2020). *Antropologiya dialektного slova [Anthropology of dialect word]*. Moscow ; St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Galuza, O. Yu. (2013). Dialektnaya leksikografiya Priamur'ya: stanov-lenie i sovremennoe sostoyanie [Dialect lexicography of the Amur Region: Formation and present condition]. *Voprosy leksikografii [Journal of Lexicography]*, 2 (4), 41–47. (In Russ.).
- Golubeva, N. L. (2004). Chastitsy i soyuzy kharovskogo govora [Particles and conjunctions of the Kharovsky local accent]. *Problemy sovremennoy russkoy dialektologii [Issues in modern Russian dialect studies]* (pp. 38–40). Moscow : The V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS. (In Russ.).

- Gol'din, V. E. (1997). *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii [Theoretical issues of communicative dialectology]*: Doctoral in Philological sci. diss.; Saratov State University. (In Russ.).
- Guseva, E. R. (2009). *Soyuzy severnorusskikh govorov (sostav, semantika, struktura) [Conjunctions in Northern Russian local accents (Listing, semantics, structure)]*: PhD in Philological sci. diss.; Petrozavodsk State University. Petrozavodsk. (In Russ.).
- Demeshkina, T. A. (2000). *Teoriya dialektogo vyskazyvaniya: aspekty semantiki [The theory of a dialect utterance (Semantic aspects)]*. Tomsk: Tomsk University Press. (In Russ.).
- Dolya, T. G. (1967). *Sintaksis prostogo predlozheniya v govorakh Zaonezh'ya Karel'skoy ASSR [Syntax of a simple sentence in the local accents of the Trans-Volga Region, Karelia]*: PhD in Philological sci. diss.; Leningrad State University. Leningrad. (In Russ.).
- Zelepukina, L. A. (1965). Sintaksicheskie osobennosti severnorusskikh govorov Sosnovoborskogo rayona Penzenskoy oblasti [Syntactic features of Northern Russian local accents of Sosnovoborskiy area in Penza Region]. *Voprosy russkoy dialektologii [Issues in Russian dialect studies]* (pp. 102–119). Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute Press. (In Russ.).
- Kirpikova, L. V. (2004). K istorii formirovaniya russkikh govorov Priamur'ya [On the history of the Amur Region local accents development]. *Narodnoe slovo Priamur'ya: sb. st., posvyashchennyi 20-letiyu publikatsii «Slovary russkikh govorov Priamur'ya» [Folk word of the Amur Region: A collection of papers devoted to the 20th anniversary of "The dictionary of the Amur Region local accents of Russian"]* (pp. 9–19). Blagoveshchensk: BSPU Press. (In Russ.).
- Kuz'mina, I. B. (1993). *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte [The syntax of Russian local accents: Linguistic geography]*. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Loseva, L. M. (1961). *Sintaksicheskie osobennosti russkikh narodnykh govorov [Syntactic features of Russian local accents]*. Chernivtsi: Chernivtsi National University Press. (In Russ.).
- Milovanova, M. S. (2021). *Semantika protivitel'nosti: Opyt strukturno-semanticheskogo analiza [The semantics of contrast: The experience of structural and semantic analysis]*. 3d edn. Moscow: FLINTA Press. (In Russ.).
- Nikitina, E. H., Pozharitskaya, S. K. (1993). Sluzhebnye slova v prosodicheskoy organizatsii dialektogo teksta [Functional words in prosodic arrangement of a dialect text]. *Issledovaniya po slavyanskomu istoricheskomu yazykoznaniiyu [Studies in the history of Slavic languages]* (pp. 156–166). Moscow: Lomonosov Moscow State University Press. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (1997). Sochinitel'nye soyuzy A, NO, I: istoriya, skhodstva i razlichiya [Coordinating conjunctions A, NO, I: History, similarities and differences]. *Slavyanskije sochinitel'nye soyuzy [Slavic coordinating conjunctions]* (pp. 3–24). Moscow: Institute for Slavonic and Balkan Studies Press. (In Russ.).
- Oglezneva, E. A. (2003). Sovremennye russkie govory Priamur'ya kak rezul'tat mezhdialektnogo vzaimodeystviya [Modern Russian accents of the Amur Region as a result of cross-dialect interaction]. *Materialy Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Priamur'e ot pervoprohoditsev do nashikh dnei» [A collection. Priamurye. From the pioneers to our days: Proc. of the regional scientific-practical conference dedicated to the 360-year anniversary of March of V. D. Poyarkov and the 150th anniversary of the first Muraviev rafting on Amur (People, events, facts), October 23–24 2003]* (pp. 107–110). Blagoveshchensk: BSPU Press. (In Russ.).
- Oglezneva, E. A. (2005). Russkie govory Priamur'ya: opyt lingvogeograficheskogo izucheniya [Russian accents of the Amur Region: Linguistic geography approach]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh [Word: Folklore-Dialect Almanac]*, 5, 170–176. (In Russ.).
- Petrulina, S. P. (2008). *Grammatika govoryashchego i slushayushchego v sibirskikh govorakh (na materiale parnykh konstruksiy) [The grammar of the speaker and the listeners in Siberian local accents (Based on paired patterns)]*: Doctoral in Philological sci. diss.; Tomsk State University. (In Russ.).
- Popova, E. N. (2019). Popova Rol' severnorusskikh govorov v formirovanii soyuzov uslovnogo znacheniya v komi-zyryanskikh dialektah [The role of the Northern Russian dialects in the formation of conditional conjunctions in the Komi-Zyryan dialects]. *Byulleten' Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]*, 29 (5), 739–744. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-5-739-7>
- Preobrazhenskaya, M. N. (1985). Sluzhebnoe slovo dak v severnorusskikh govorakh [Functional word dak on Northern Russian local accents]. *Vostochnye slavyane. Yazyki. Istoriya. Kul'tura. K 85-letiyu*

- akad. V. I. Borkovskogo [Eastern Slavic people. Languages. History. Culture. To the 85th anniversary of Academician V. I. Borkovskiy]* (pp. 65–72). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Prihod'ko, V. K. (2022). *Emotivnyy fond russkikh govorov Priamur'ya [Emotive fund of Russian local accents of the Amur Region]* : Doctoral in Philological sci. diss. ; Moscow Pedagogical State University. Moscow. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F. (2019). *Russkiy yazyk: sintaksis oslozhnennogo predlozheniya [The Russian language: Syntax of expanded sentence]*. 2nd edn. Moscow : FLINTA Press.
- Sadchenko, V. T. (Ed.). (2011). *Russkie govory Priamur'ya (RGP) [Russian accents of the Amur Region]*. Khabarovsk : Pacific National University Press. (In Russ.).
- Ryko, A. I. (2018). Voprositel'naya chastitsa vs. razdelitel'nyy soyuz: Ti v govorakh russko-beloruskogo pogranich'ya [Interrogative particle vs. separative conjunction: TI in the dialects of the Russian-Belarusian border region]. *Severnorusskie govory [Northern Russian Dialects]*, 17, 184–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/01348515201811>
- Sakulina, E. A. (2015). Usloviya formirovaniya protivitel'noy semantiki v odnorodnykh ryadakh s soyuzom da [Conditions for contrastive semantics in homogeneous parts of the sentence with the conjunction da]. *Semantika i funkcionirovanie yazykovykh edinits raznykh urovney [Semantics and functioning patterns of language units belonging to different levels]*: Proc. VIII International conf., Ivanovo, May 6–8, 2015 (pp. 68–73). Ivanovo : Ivanovo State University Press. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve [Russian syntax in semantic and pragmatic space]*. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press. (In Russ.).
- Sigal, K. Ya. (2022). Aksiologiya v sintaksicheskikh strukturakh [Axiology in syntactic structures]. In M. S. Milovanova (Ed.), *Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya [General and Russian linguistic axiology]* (pp. 91–148). Moscow – Yaroslavl : Kantsler Press. (In Russ.).
- Sobinnikova, V. I. (1958). *Stroenie slozhnogo predlozheniya v narodnykh govorakh (po materialam govorov Gremyachenskogo rayona Voronezhskoy oblasti) [Complex sentence structure in folk dialects (Based on the local accents of Gremyachensk area of the Voronezh Region)]*. Voronezh : Voronezh State University Press. (In Russ.).
- Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (1983). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya (SRGP) [The dictionary of the Russian local accent of the Amur Region]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (2007). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya (SRGP) [The dictionary of the Russian local accent of the Amur Region]*. 2nd edn, with corrections and addenda. Blagoveshchensk : BSPU Press. (In Russ.).
- Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (2007 e). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya (SRGP) [The dictionary of the Russian local accent of the Amur Region]*. 2nd edn, with corrections and addenda [Electronic resource]. Blagoveshchensk : BSPU Press. Retrieved January 25, 2024 from <<https://disk.yandex.ru/i/0Vcrpza7BDSJQ/>>. (In Russ.).
- Starodumova, E. A. (2023). *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka [Modern Russian syntax]*. Moscow : FLINTA Press. (In Russ.).
- Chursina, T. I. (1974). *Iz'yasnitel'nye i prisubstantivnye slozhnopodchinennye predlozheniya v angarolenskikh govorakh [Complement and subject-complement clauses in Angara-Lena local accents]*: Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Novosibirsk State University. (In Russ.).
- Shapiro, A. B. (1953). *Ocherki po sintaksisu russkikh narodnykh govorov. Stroenie predlozheniya [Essays in the syntax of Russian local accents. Sentence structure]*. Moscow : Soviet Union Academy of Science Press. (In Russ.).
- Sheremeteva, E. S. (2023). Aksiologicheskaya spetsifika gradatsionno-prisoedinitel'nykh soyuzov s bazovym komponentom «da» [Axiological specifics of Russian gradational and additive conjunctions with the basic component da]. *Russkiy yazyk za rubezhom [Russian Language Abroad]*, 2 (297), 39–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.37632/PI.2023.297.2.008>